

Лето на Меркурии

Анна Антонова

Только для девчонок

Анна Антонова

Лето на Меркурии

«ЭКСМО»

Антонова А. Е.

Лето на Меркурии / А. Е. Антонова — «Эксмо», — (Только для девчонок)

Настя давно забыла, как в третьем классе играла во дворе с Ромкой, который потом уехал с родителями за границу. И вдруг в десятом парень вернулся! Девочке казалось: он к ней по-прежнему равнодушен. Но Ромка почему-то решил, что она влюблена вовсе не в него, а в молодого историка – по нему тайно вздыхали все девчонки школы. И в один прекрасный день кто-то заляпал краской стены и разбил все окна в кабинете истории – кто-то, кому сильно мешал новый препод. Неужели это Ромка?..

© Антонова А. Е.

© Эксмо

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Анна Антонова

Лето на Меркурии

Глава 1

Первый раз в десятый класс

– Почти все учителя будут новые, – делилась информацией всезнающая Юлька Щеглова.
– И классная? – шокировался кто-то из девчонок.
– Конечно. Не знаю только, по какому предмету. А еще, – Юлька сделала многозначительную паузу, – у нас будет новый историк.

И для особо одаренных уточнила:

– Мужчина.

– Да ты что? Правда? – загалдели девчонки.

– Ага, – подтвердила Щеглова, довольная произведенным эффектом. И заговорщицки продолжала: – Говорят, молодой. Седой только.

– Старый, значит? – простодушно уточнила я.

Вокруг засмеялись, а Юлька обиделась:

– Да говорю же, молодой! Седой просто.

Мы кучкой стояли возле самых ворот и устало смотрели на суету в школьном дворе – над гудящей толпой колыхались таблички с номерами классов, слышались писклявые голоса первоклашек, на крыльце настраивали вечно барахлящий микрофон...

Мы-то десятый класс, нам все это первое сентября уже, мягко говоря, поднадоело. Одна радость – народ после каникул повидать. Так и ту отняли – назначили сбор накануне, тридцать первого августа. И зачем – сообщить, во сколько линейка первого. И вот в этом вся наша школа!

Так что увиделись мы еще вчера, все обсудили, всех рассмотрели. Моя старая подруга Светка Неелова рассказала, как плавала с родителями на теплоходе до Астрахани и обратно, Ольга Тезикова похвасталась новой стрижкой и макияжем «вырви глаз» – нашла куда в таком виде заявиться!

Дурацкое имя – Ольга. Никак его не сократишь: «Оля» – слишком скучно, а чтобы выговорить «Олька», надо особое усилие приложить, вот и получается все время «Ольга». А за что Тезиковой, спрашивается, такая честь, если она самым свинским образом сманивает у меня подругу?

Конечно, я знаю трогательную историю, как Светка и Ольга раньше жили в одном доме и крепко дружили, учась в младших классах. Потом почему-то их пути разошлись, и Светка подружилась со мной. В соседнем с моим доме жила ее бабушка, и я все мечтала, чтобы Светка поменялась с ней местами.

И в конце концов это произошло! Бабушка отправилась в двухэтажный дом с частичными удобствами, а Светка с родителями – в ее благоустроенную квартиру. «Решила дать молодым пожить нормально», – как сказали у меня дома. А мне все это было, честно говоря, до лампочки, я просто радовалась, что теперь даже в школу и обратно можно ходить вместе.

Но недавно, буквально в прошлом году, откуда-то снова выплыла эта Тезикова, и Светка, естественно, сразу переметнулась обратно. Формально мы, конечно, продолжали общаться, но все это было уже не то... И я с горя задружилась с Иркой Александровой. Пока еще мы общались вчетвером, но я предчувствовала – не далек тот день, когда мы благополучно станем дружить по отдельности. Они вдвоем, ну и мы соответственно.

– А еще, – продолжала Юлька, – будет новенький. Не знаю только, у нас или у ашек.

Девчонки возбужденно загалдели, а я не поняла причин ажиотажа. Ну новенький, и что? Своих умников мало?

Оглушительно затрещал микрофон, кто-то громко сказал в него: «Раз, два, три». Всегда одно и то же, хоть бы кто что-нибудь другое для разнообразия выдал: стишок, там, прочитал или спел чего... Очень подошла бы песенка Винни-Пуха, например. Я представила, как директориса Римма Алексеевна с весьма подходящей ей фамилией Зленкова, высокая сухопарая дама с всегда идеально уложенной высокой прической, говорит в микрофон не «Раз, два, три», а «В голове моей опилки», и захихикала.

Уже и речь началась, и все почтительно примолкли, а я все никак не могла уговориться. Отвлеклась только когда вещание про славные традиции и тому подобную чушь закончилось, и дело дошло до первоклассницы с перевязанным бантом колокольчиком. На крыльце нарисовался Серега Рогожкин, длинный сутулый очкарик из параллельного класса.

– Везде эти ашки! – проворчала Юлька.

Конечно, у нас такого представительного очкарика нет. Вернее, был один – Сашка Смирнов. Но, в отличие от Рогожкина, без очков и других видимых признаков интеллекта. Поэтому после девятого класса он нас счастливо покинул в компании других недоумков.

Все-таки в старших классах много плюсов. Я представила Аглава, Пучкова, Дудинова и всех остальных за партами правильных и полезных заведений под красивыми названиями «Лесомеханический колледж», «Торговый лицей»...

От приятных мыслей отвлекла Светка, толкнувшая меня локтем со сдавленным хихиканьем:

– Смотри!

Я послушно перевела взгляд и тоже прыснула: Рогожкин, изо всех сил пытаясь поднять первоклассницу, тянул ее под мышки, но бедная девчонка все время выскальзывала из его рук. Высоченные гладиолусы били ее по лицу, грустно мотались ноги в белых колготках и черных блестящих туфельках.

А я вдруг вспомнила, как опрохвостилась на своей первой линейке. Тогда директором школы был мужчина, и меня отправили дарить ему цветы. Я послушно побежала и вручила. Возвращаясь, я никак не могла понять, почему все смеются, да и сам директор взял цветы как-то неуверенно, со смешком. А потом выяснилось, что я ударила букетом стоявшего рядом одиннадцатиклассника!

– Ашки, – презрительно бросил Леха Крохин. – Ничего поручить нельзя!

Крохин занимался боксом и уж точно бы не подкачал, несмотря на совсем не гигантский рост, вполне оправдывающий фамилию, и отсутствие очков.

Рогожкин тем временем оставил свои бесполезные попытки, взял девочку за руку и повел ее вдоль шеренги школьников.

– Позор! – крикнул Крохин, когда трогательная парочка проходила мимо нашего класса.

– На мыло! – поддержал его Димка Пименов.

– Сила есть, ума не надо! – обиделся кто-то из ашек.

– Зато мы учимся лучше! – пискнул кто-то из их девчонок.

– Нашли чем гордиться! – заржал Леха.

– Ребята, тише! – неуверенно попросила какая-то незнакомая женщина в очках.

Парни переглянулись и пожали плечами, но на всякий случай заткнулись.

Рогожкин завершил свое позорное шествие, линейка кончилась, и взволнованные первоклашки стройными рядами потопали в школу. Наша очередь еще нескоро, так что можно было пока расслабиться.

– Так кто у нас все-таки классной будет, никто не в курсах? – поинтересовался Леха.

– А фиг его знает, – откликнулся Пименов. – Но уж всяко страшнее Аннушки им не найти!

– Да уж, такого монстра еще поискать! – содрогнулась от показательного ужаса Тезикова.
– Да ладно вам, – я вступилась за нашу старую добрую Анну Алексеевну. – Ну, подумай, строгая! Так ведь с нами ведь по-другому нельзя. Мне мама все время говорит, что на ее месте она бы нас вообще поубивала. А зато мы ее уважали.

– Не знаю, – пожала плечами Ольга. – Я ее просто боялась, а не уважала.

– А я уважала, – не совсем уверенно возразила я.

– Ну посмотрим, что за клушу теперь выдадут, – подытожил Крохин.

– Ребята, пойдёмте! – позвала нас тетенька в очках. – Наша очередь, все уже прошли.

Смущенно переглядываясь, мы дружно потопали за ней. Только тут я заметила, что в наши поредевшие ряды влилось пополнение в виде лучших представителей «В» класса. Правильно, столько народу после девятого откололось, вот классы и объединили. Хорошо хоть, нам достался «В», а не «Г», вот уж там традиционно такой контингент подбирается... Вот и пусть теперь ашки с ними развлекаются, следят за успеваемостью!

– Что, неужели эта? – шепотом спросила Юлька.

– Ты меня спрашиваешь? – возмутилась я.

Щеглова сделала страшные глаза:

– Думаешь, она про «клушу» слышала?

– Даже не знаю...

– В любом случае, это парни облажались, – она быстро нашла выход. – Сами виноваты, нечего было выступать на всю ивановскую.

Войдя в школу, мы по привычке ломанулись было к лестнице – кабинет алгебры, преподаваемой зловещей Аннушкой, располагался на третьем этаже – но тетя стала ковырять ключом в замке двери на первом этаже. Мы озадаченно переглянулись. Компьютерный класс?

– Меня зовут Татьяна Дормидонтовна, – сказала она, когда мы расселись за компьютерные столы. Это оказалось не очень удобно – пришлось развернуться вполоборота. Но за обычными партами, которых тут было совсем немного, места хватило далеко не всем.

Класс стих, осмысливая услышанное, а учительница тем временем продолжала:

– Да у моего папы такое вот старинное русское имя – Дормидонт.

Она сказала это совсем просто, без всякой рисовки, и смеяться почему-то сразу расхотелось. То есть мне и сразу не хотелось, просто было заранее неловко за одноклассников. Но, видимо, уровень дебильности после отбытия в среднеспециальные учебные заведения не лучшей части класса все-таки значительно снизился – пара смешков прозвучала, но как-то неуверенно, без былого молодецкого задора.

– Я буду вести у вас информатику, – поведала она то, о чем мы, в принципе, уже сами догадались.

– А поиграть дадите? – тут же вылез с вопросом Димка Ключкин.

– Здесь компьютеры не очень мощные, особо не разыграетесь, – утешила Татьяна Дормидонтовна. – Так что играть будете дома, а я вас научу писать программы!

– Круто! – не расстроился Ключкин.

– А сейчас я попрошу кого-нибудь из девочек помочь мне заполнить журнал, – сказала новая классная и шлепнула здоровенный талмуд перед сидевшими к ней ближе всего Светкой и Ольгой. – Надо будет вписать фамилии по списку.

– Подождешь? – спросила меня Светка, когда собрание закончилось и все стали расходиться. Первого сентября у нас традиционно никаких уроков не было.

– Не могу, – с сожалением сказала я. – Мы с Ирккой в кино идем.

– Опять на «Магия бессмертна»?

Можно было бы соврать, но я толком не знала, что сейчас еще идет в кинотеатрах, поэтому пришлось сознаться:

– Ага.

- Который раз? – хмыкнула она.
- Пятый.
- Не надоело еще?
- Не-а. Ну, я думаю, вы и сами справитесь? – для очистки совести поинтересовалась я.
- Справимся, не волнуйся, – с улыбочкой заверила Ольга.

Глава 2

Вороны и гусеницы

Несмотря на начало сентября, все еще было очень тепло, и я обрадовалась, что в кои-то веки можно одеться в школу по-летнему. Сначала я вытащила из шкафа юбку с трехэтажными оборками а-ля Мальвина и открытую маечку с рукавами-крылышками. Но потом вспомнила, как в прошлом году Римма остановила нас с Иркой в коридоре и невозмутимо поинтересовалась, не забыли ли мы надеть юбки... И снова полезла в шкаф. Нашла скромненькую бежевую юбку до колена и застегивающуюся под горлом розовую блузку с рукавами до локтя. Ну вот, даже Римме будет не к чему придраться.

Мы с девочками стояли у окошка в коридоре, дожидаясь, когда откроют кабинет. Мимо нас семимильными шагами пронеслось высокое сутулое существо со свернутыми трубкой картами под мышкой.

– Здрасьти! – торопливо сказала Юлька Дроздова.

Не сбавляя скорости, мужчина односложно ответил, кивнул и вскоре скрылся из виду.

– Это еще что за призрак коммунизма? – поинтересовалась я.

– Тише ты, – одернула меня Дроздова. – Это и есть новый историк.

– Что? Где? – я запоздало завертела головой. – Я не разглядела, седой он или нет!

– Насмотришься еще, – хмыкнула она. – Ты расписание читала? У нас сейчас как раз история!

Я думала, что к нам, как обычно в начале года, притащится классная и начнет занудно рассаживать в режиме «мальчик-девочка». Но ничего подобного, Агафоновна, или как там ее, Дормидонтовна, так и не появилась. Все больше и больше плюсов обнаруживалось в старших классах!

Когда новый историк вернулся с ключами и наконец открыл кабинет, мы вошли и в первый момент даже растерялись. Но уже через секунду ломанулись забивать места.

Светка с Ольгой зачем-то уехали за первую парту в правом ряду и отчаянно махали мне оттуда. Ага, значит, еще не совсем вычеркнули из списков подруг! Я подошла, с сомнением примерилась ко второй парте. Не так страшно, как казалось – место с краю, так что сильно в глаза не бросаешься. А видно все хорошо. Так, ну а что, я тут одна буду восседать?

– Можно? – остановилась рядом Ирка.

– Конечно! – обрадовалась я.

Я уже и не помнила, как Ирка прибилась к нашей компании. Все предыдущие годы она носила малопочетный статус зубрилы-отличницы и, конечно, была презираема за это худшей половиной человечества, к счастью, покинувшей нас после девятого класса. По-моему, как раз здесь, на второй парте, она с дураком Пучковым и сидела. Велика все-таки сила привычки!

Первый раз за все годы учебы я оказалась так близко к доске. Обычно на предпоследней какой-нибудь или даже совсем последней парте почетное место занимала. К счастью, придурка Дудинова, составлявшего мне там компанию, с нами больше не было, хотя справедливости ради надо отметить – он единственный из парней, прося списать, вежливо называл меня по имени. Так-то, стыдно сказать, мы до сих пор друг друга по фамилиям величаем, парни и девочки, я имею в виду. Не то, что в параллельном классе! Ашки, что с них возьмешь...

Историк и правда оказался молодым, а легкой седины я и не заметила бы.

– Меня зовут Владимир Александрович Яблоков, я буду вести у вас историю и чуть позже обществоведение. Сразу хочу сказать, что я не приемлю никакой зубрежки и пересказа учебника.

В классе повисла напряженная тишина. Прежняя наша историчка Наталья Николаевна, маленькая и очень изящная белокурая дама, неизменно начинала каждый урок фразой:

– А сейчас – минуточка на повторение.

За эту «минуточку» все успевали чуть ли не наизусть вызубрить заданный на дом параграф, и оставшуюся часть урока длился опрос. Первую часть параграфа, в которой обычно рассказывалась ерунда типа географического положения или каких-нибудь предпосылок, обычно запоминалась лучше всего, чем обычно и пользовались наиболее продвинутые бездельники.

Помнится, Эдик Пучков настырно тряс рукой, его, конечно, вызывали, он выходил и бодро пересказывал эти самые предпосылки. Получая четыре или даже пять, он довольно удалялся на свое место и продолжал доводить Ирку. Никто, естественно, ответы одноклассников не слушал, в это время читался следующий раздел параграфа.

Правда, иногда историчка устраивала подлянку и спрашивала не все разделы по порядку, а, скажем, перескакивала через один. Поэтому, чтобы не попасть впросак, приходилось просматривать два сразу. Вот так мы вполне успешно изучали историю методом избы-читальни.

– Я хочу, чтобы вы научились анализировать материал и самостоятельно делать выводы. Так что предупреждаю: за пересказ учебника отвечающий сможет рассчитывать максимум на оценку «удовлетворительно».

Тишина стала совсем мертвой. Историк говорил тихо и совершенно спокойно, но почему-то его слова оказывали прямо-таки гипнотическое действие. Во всяком случае, производили куда более сильное впечатление, чем крики и вопли других училок.

– А сейчас давайте познакомимся, – он раскрыл журнал и прочитал: – Антипова.

– Почему я первая! – возмутилась я.

Все предыдущие годы первым по алфавиту выступал Алик Аглаев. В десятый класс он не пошел, но я не слишком волновалась – все равно передо мной еще Ирка.

– Я так понимаю, это вы, – повернулся ко мне Яблоков.

– Да, то есть здесь, – смешалась я.

– Александрова, – как ни в чем не бывало продолжал он.

Ирка бодро сказала:

– Здесь.

Историк пошел дальше по списку, а я позвала:

– Свет!

Та не откликнулась, и я дернула ее за хвост.

– Ну чего? – недовольно обернулась она.

– Почему я первая в журнале?

– Это мы тебя написали, – захихикала Светка.

– Зачем?

– Да просто так!

– А, – запоздало догадалась я. – Потому что я с вами заполнять не осталась, да?

– А сейчас записывайте тему первого урока, – сказал историк, тем временем закончивший переключку. – «Общественно-политическая ситуация в России на рубеже XIX–XX веков».

Светка отвернулась, а я со вздохом раскрыла тетрадь.

После уроков мы распрощались с Ирккой, которая жила совсем рядом со школой, втроем дошли до поворота и там расстались с Ольгой.

– Пока, – сказала она нам, а потом персонально Светке: – До завтра.

Все бы ничего, если бы завтра не была суббота...

– Почему до завтра? – спросила я у Светки, когда мы уже шли к дому.

– Не знаю, – смутилась она.

– Что ты не знаешь? – не отставала я. – Куда-то намылились на пару, а нам с Ирккой – ни слова?

– Ну вы же тоже с ней вдвоем ходите...

– Куда мы ходим?

– В кино вот вчера...

– А что, вы бы с нами в пятый раз пошли на «Магия бессмертна»?

Светка ничего не ответила. Остаток пути мы проделали молча и холодно распрощались у моего подъезда.

Ну все одно к одному! С подружкой поссорилась, да и программное заявление нового историка меня из колеи выбило. Это не учебник пересказывать, теперь самой соображать надо, выводы какие-то делать, мнение высказывать. У Натальи легко было быть отличницей, а вот теперь...

Когда я открыла дверь в комнату, мой младший братец Лешка отскочил от окна и спрятал что-то за спину.

– Привет, чего подковыраешь? – небрежно поинтересовалась я.

– Да так... – его взгляд скользнул куда-то за мою спину.

Я обернулась, и глаза у меня полезли на лоб: угол комнаты и часть двери украшали многочисленные дырки.

– Это еще что такое?

– А это я стрелял, – смущенно пояснил он.

– Дома? – возмутилась я. – Ты что, совсем уже?

– Ну понимаешь, мне так захотелось... А в тире тренировка только завтра... Я вообще-то в фанерку стрелял, самые легкие пульки взял, а ее почему-то пробил...

– М-да, – хмыкнула я. – Действительно странно – почему это фанерку пробил? Если бы у тебя физики не было, я бы еще поняла. А так...

– А я еще через форточку пробовал, – похвастался Лешка. – Там ворона на дереве сидела, вот я в нее прицелился... Жалко, промазал.

– Зачем же ты в ворону стрелял? – возмутилась я.

– Да скучно все по мишеням да по мишеням, – пожал плечами брат.

– И не жалко?

– А чего ее жалеть-то.

Я предпочла не развивать тему, чтобы не услышать еще чего-нибудь в том же духе. Лешка уже просто помешался на своем тире, постоянно говорил о пистолетах, пулях и соревнованиях. Приезжавшая на день рождения тетя подарила ему деньги – сколько-то там евро – и сказала:

– Это тебе на школьный костюм.

– Пусть пока у меня полежат, – попросил Лешка. – А потом я отдам маме.

А сам на эти деньги потихоньку купил себе пневматический пистолет.

– Как же ты деньги поменял? – поинтересовалась я, когда все раскрылось. – Ведь без паспорта нельзя.

– А я тут с одним парнем познакомился, у него отец в оружейном магазине работает, – похвастался брат. – Я Игоря Сергеевича попросил, он со мной сходил и по своему паспорту поменял. А потом он в Ижевск за товаром ездил и пистолет мне привез.

– Заработал, значит, на тебе?

– Ты что, наоборот, без торговой наценки продал.

Так и уговорил дедушку оставить пистолет. Конечно, с условием, что стрелять он будет только на даче, только по мишени... И что?

– Ты только никому не говори, – Лешка пытался расправить клочки обоев и замаскировать дырки.

– Ага, – усмехнулась я. – А так, конечно, никто не заметит!

В субботу утром мы с мамой уехали на дачу. Лешку растолкать не удалось, он сквозь сон клятвенно пообещал приехать попозже. Но я напрасно прождала его два дня и ужасно злилась:

– Ну надо же, свинья какая!

– А я очень рада, что он не приехал! – заметила мама. – У вас же мира нет, одни обиды. Очень надо было два дня ваши ссоры слушать! Он еще маленький, а ты с ним общаешься на его же уровне. А ты ведь уже в десятом классе!

– Ну и что! **Был только один плюс – я перестала думать об истории и противных девчонках.**

– Что же ты, Лешенька? – поинтересовалась я в воскресенье вечером. – Так и просидел все выходные дома?

– А нас тренер по стрельбе попросил поработать, – важно сообщил он. – Мы с Васькой сидели в тире в центральном парке, пульки продавали. Представляешь, одни, без взрослых, сами себе хозяева! Мы за день две тыщи заработали, и нам Сергей Петрович из них триста на двоих дал! Представляешь, сколько я заработал?

– Представляю, – проворчала я.

К нам один пьяный мужичок завалился, – продолжал рассказывать Лешка. – Хорошо пострелял и дал нам полтинник. «Это, говорит вам на мороженое». Мы этот полтинник разменяли и тоже поделили.

– А это не опасно? – насторожилась я.

– Да завернула тут к нам компания отморозков, – небрежно сказал он. – «Пацаны, говорят, дайте стрелнуть». Ну мы на них винтовки наставили: «Ребят, говорим, не вы первые, не вы последние, лучше идите отсюда по-хорошему».

– Ну и?.. – заволновалась я.

– Они и ушли. Ты только никому не говори, – предупредил он. – А то меня больше не отпустят.

– Пару месяцев так поработать, – мечтал Лешка за ужином, – и плеер бы купил...

– Ну конечно, – сказала бабушка. – Бросай школу и иди.

– Ты, бабушка, не умеешь правильно распоряжаться деньгами, – невозмутимо ответил он. – Зачем ты свою пенсию на книжку складываешь? Лучше купила бы плеер... В нашем классе уже почти у всех плееры есть, все музоном обмениваются...

– И что, они сами заработали? – встряла я. – Наверняка родители купили.

– Но пользуются-то дети! Вон у Миши Бондаренко дома вообще музыкальный центр с крутыми колонками, а он в кресле между ними сидит с пультом, как король...

– А это не его собирались в класс коррекции перевести? – невинным тоном осведомилась я.

– Спасибо, все было очень вкусно, – скороговоркой проговорил Лешка фразу, которой я научила его давным-давно, когда он был совсем маленьким.

– А посуда? – крикнула я вслед.

– Нет, – отрезал он, не оглянувшись.

Покончив с ужином и посудой, я стала разбирать сумки и вытряхнула большую мохнатую гусеницу, желтую с черными полосками. Вообще-то я подобных существ не сильно уважаю, но эта была уж очень хороша. Я посадила гусеницу на газетку и позвала:

– Леш, отнеси на улицу, а то мне одеваться долго!

Прибежавший брат бросил взгляд на гусеницу и сморщился:

– Выбрось ее в унитаз!

– Сходи! – настаивала я.

Он снисходительно посмотрел на меня:

– Насть, неужели ты думаешь, что я куда-то пойду из-за какой-то гусеницы?

– Ладно, – разозлилась я. – Сама схожу. А ты попроси еще сочинение написать!

– И попрошу!

– Обойдешься!

– Тогда я с тобой разговаривать не буду! – Лешка резко захлопнул дверь в комнату.

– Ну и не надо! – крикнула я вслед, накинула куртку и пошла на улицу спасать гусеницу.

Вытряхнув ее на клумбу, я уже собралась нырнуть обратно в подъезд, но повернулась, почувствовав чей-то взгляд. То есть, это уже повернувшись, я поняла, что кто-то на меня внимательно смотрит. А хорошо бы научиться чувствовать взгляды, не поворачиваясь, и потом уже решать, реагировать или нет...

Тарасился на меня какой-то парень, в компании Рогожкина из 10 «А» следовавший в соседний подъезд. Я было приосанилась, но потом вспомнила, в каком я виде – старая куртка поверх футболки и вытертых домашних джинсов, голову после дачи еще не помыла, без косметики, естественно – и скоренько нырнула обратно в подъезд. Хотя и нет мне дела до разных там незнакомцев, а имидж все-таки не ничто! Хотя, если он знакомец Рогожкина, позорно прославившегося на линейке первого сентября, мне тем более все равно. Скажи мне, кто твой друг, как говорится!

В понедельник утром я с самым независимым видом проследовала к своей парте.

– Что не здороваешься? – окликнула меня Ольга.

– Ой, извини, – спокойно сказала я. – Привет. Как выходные? Хорошо повеселились?

– А что, собственно, такого? – возмущенно начала она. – Ну подумаешь, сходили на дискотеку. Что мы, везде вместе должны таскаться? Мы с Тamarой ходим парой?

– Парами за ручки, – фыркнула Светка.

– Очень была нужна ваша дебильная дискотека!

Я с размаху бросила сумку на парту и с грохотом отодвинула стул. Ирка, уткнувшаяся в учебник, даже не подняла головы.

Глава 3

Старый друг из-за границы

Потихоньку мы в учебный год втянулись. И к своему «старшеклассному» положению привыкли. Правда, нам от него доставались не только бонусы, но и неудобства. Например, мытье коридора. Наша школа здорово сэкономила на уборщицах, эксплуатируя рабский труд учеников!

План Риммы был грандиозен и всеобъемлющ – коридор полагалось намывать три раза в день: перед первым уроком, перед четвертым на большой перемене, ну и после уроков, это уж само собой. То есть это только в теории, конечно, перед уроком. Попробуй помой пол на перемене! Всяко придется звонка дожидаться, когда все по кабинетам расползутся.

Нашему классу, видимо, в честь перехода в старшую параллель, достался самый ответственный участок – здоровенный вестибюль на первом этаже у раздевалки. Это сейчас, пока осень сухая, там относительно чисто. А вот что будет потом, когда начнется всякий дождь и снег... Самое противное, что следить за всем этим безобразием назначили меня!

Татьяна Дормидонтовна устроила классный час, чтобы, значит, получше с нами познакомиться. Но мы-то уже ученые, знаем, что это все отговорочки, а на самом деле задумано для того, чтобы на нас всяких дурацких работ и мероприятий навешать.

– Честно признаюсь, это у меня первый опыт классного руководства, – начала она. – И вообще я по образованию не педагог, а программист.

Ох, зря она это сказала! Нет, все понятно – хотела, типа, наше доверие вызвать, контакт наладить... Только не с нашими мальчиками! Хоть и остались к десятому классу наиболее приличные представители сильной, так сказать, половины, а все равно – тут же заржали, телефонами защелкали...

– Так что, – продолжала она доверительную беседу, – я вас попрошу мне помочь. И первым делом надо выбрать ответственного за дежурство.

Она раскрыла журнал и, недолго думая, прочитала:

– Антипова.

– А почему сразу я! – возмутилась я, послав Светочке с Олечкой ненавидящий взгляд. Так я и знала, быть первой по списку – удовольствие ниже среднего!

И тут, конечно, все заорали:

– Да, давайте Антипову! Она у нас самая ответственная!

Я уже хотела решительно выступить против, предложить жребий, что ли, кинуть, но увидела, как растерянно смотрит на меня Татьяна Дормидонтовна, и осеклась.

– Настя, ты согласна? – переспросила она.

Ненавижу эти игры в демократию!

– Да, давайте, – уверенно заявила я. – У меня никто от дежурства отлынивать не будет!

И с удовлетворением отметила, что смешки смолкли. Вот так!

Сзади послышался какой-то подозрительный шум, а затем оглушительный грохот. Мы обернулись и увидели страшное – один из мониторов валялся на полу. Вокруг него с растерянными лицами стояли Крохин, Пименов и Смирнов. Тормозили парни недолго – засуетились, подняли монитор и поставили на прежнее место. Дормидонтовна взидала на все это с мрачным спокойствием.

– Давайте включим проверим, – смущенно предложил Крохин.

– Нет уж, – отрезала она. – Ничего включать мы не будем!

Так мы и покинули кабинет информатики в полнейшей неизвестности.

Дома я взяла чистую тетрадку, расчертила ее и расписала, кто когда дежурит. Все оказалось просто: один день парта – то есть не сама парта, конечно, а те, кто за ней сидят, – класс моет, другой день – коридор. Соседняя парта – наоборот. Потом меняются. И далее по списку, по партам то есть. Так как все расселись кто с кем хотел, проблем с совместимостью быть не должно. Это раньше приходилось искать, с кем бы поменяться, или, если никто не соглашался, дежурить в компании какого-нибудь Пучкова. Дудинов, помнится, вообще предложил дежурить по отдельности – один день он, другой – я. Какой все-таки дурак...

Впрочем, нет, рано я обрадовалась, были проблемы: Димка Ключкин и Ленка Папина. Оба малость не от мира сего. То есть Ключкин-то вполне нормальный парень, просто роста мелкого и учится хорошо. А вот Папина – та точно со странностями. Она с нами в младших классах училась, потом исчезла, а в десятом снова появилась. Я относилась к ней с некоторым подозрением после одной давнишней истории.

Пригласила она меня в первом классе на день рождения. Я нарядилась, подарок взяла и отправилась в гости. С бабушкой: она сказала, что по адресу, данному Папиной, кажется, находится домоуправление. Так и оказалось! Никакой Папиной с ее днем рождения я тогда так и не нашла, вернулась домой, как дура, нарядная, с подарком...

Ключкин с Папиной сидели по одному строго полярно – он на последней парте, она на первой – и, конечно, сама собой напрашивалась идея объединить их в благих целях уборки. Но они не согласились, естественно, так и убирались по одному, типа нас с Дудиновым.

Так что все нормальные люди на английский пошли, а мы с Ирккой, как граждане второго сорта, коридор мыть.

– Ирка, давай быстрее, – сразу предупредила я. – Не хочу английский пропускать. Надеюсь, он мне больше в жизни пригодится, чем полomoйство!

Тут хлопнула входная дверь, и кто-то громко сказал:

– Ой, блин!

Видать, шел себе товарищ в школу, ногу за ногу цеплял, а тут часы увидел, машинально отметила я, не поднимая головы. Я сосредоточенно развозила по полу грязную воду, как вдруг увидела – по свежевывытому участку топают ботинки, оставляя грязнущие следы. И где столько грязи в такую сушь нашлось, прямо какая-то классическая свинья из поговорки! Теперь перемывать, английский еще дальше откладывается, успела подумать я, прежде чем заорать:

– Ты куда? Не видишь, пол чистый?

Ботинки остановились, я наконец поняла голову и наткнулась на насмешливый взгляд парня с короткими выющимися волосами. Где-то я его недавно видела... Ах, да, во дворе в компании Рогожкина! И вчера я в каком-то затрапезном виде ему на глаза попала, а сегодня и того чище, грязь после его ботинок убираю... Эти мысли отнюдь не привели меня в радужное настроение, и я буркнула:

– Ну, чего встал? Проходи давай. Только ноги вытри, – и шлепнула рядом с его ногами распластанную тряпку.

– Насть, не узнаешь? – вдруг услышала я, снова подняла голову, присмотрелась и недоверчиво спросила:

– Ромка?

– Ну наконец-то! – засмеялся он. – А то уж думаю, все, старость не радость, жизнь наложила свой отпечаток...

Пока я слушала весь этот веселый бред, в памяти всплывали картинки. Вот мы строим снежную крепость, Пименов с Крохиным нападают – надо же, неужели я с ними во втором классе играла во дворе? – а мы с Ромкой ее защищаем. Снежок попадает мне за воротник, и Орещенко – Ромкина фамилия вспомнилась сама собой – помогает вытряхнуть из-за шивороты холодное мокрое месиво...

А вот оттепель, дорожка вдоль дома превратилась в безразмерную лужу. Мы закладываем ее кусками шершавого льда, отколотыми от крыши лестницы в подвал. Ледяная вода обжигает руки, но стоит вытащить их из лужи, становится тепло без всяких варежек. По дорожке идет старушка, говорит: «Спасибо, ребятки»...

– Ты откуда? – глупо спросила я.

– Да родаки уезжали работать. Ну и меня, ясное дело, с собой увезли. А теперь вот вернулись, так что я снова к нам, – весело подытожил он и заглянул в какую-то бумажку: – В десятый «Б».

– Точно, к нам, – обрадовалась я.

– Ладно, пошел я, – вдруг озабочился Ромка, взглянув на часы. – Опаздываю. – И посмотрел на меня с внезапной жалостью: – А ты что, тут подрабатываешь?

Я задохнулась от возмущения:

– Сам ты... Твои предки, наверно, на Северном полюсе работали, и ты там вконец одичал в компании пингвинов!

– Пингины живут в Антарктиде, – невозмутимо заметил он. – То есть на Южном полюсе.

– Ну и топай учиться, умник! Посмотрим, как сам скоро будешь подрабатывать! – и я ожесточенно хлестнула тряпкой прямо по его ботинкам. Что, надо заметить, не сильно им повредило.

– Что это было? – осторожно поинтересовалась Ирка, когда Ромка наконец ушел.

– Да так, – мрачно отозвалась я. – Друга детства встретила.

– Ничего друг, – одобрила она. – Симпатичный.

– Забирайте, – язвительно откликнулась я, совсем как этот, как его... в общем, поддельный Иван Грозный из старинного фильма «Иван Васильевич меняет профессию».

Глава 4

Гоголь и отравляющие вещества

На прошлой истории мы писали первую самостоятельную по революции, и сегодня Яблочков – с такой фамилией историку даже прозвище как-то не придумывалось – должен был объявить результаты.

Мариновать нас до конца урока, как любят делать некоторые особо дружелюбные преподаватели, он не стал, сразу выудил из пачки один листок и сказал:

– Наиболее удачной я считаю работу Юлии Щегловой. Сделан совершенно верный вывод о том, что передача предприятий в руки новых владельцев способствовала появлению между ними конкуренции...

Я слушала про Юлькину конкуренцию, со стыдом вспоминала, что сама написала всего лишь о том, что предприятия продолжили работу, когда рабочие взяли власть в свои руки, и все больше убеждалась, что теперь мне придется привыкать к роли посредственности.

С расстройства я совсем не слушала историка, мы с Ирккой азартно переписывались, обсуждая свой любимый фильм «Магия бессмертна» и его главного героя инспектора Виктора Крона.

– Использовались отравляющие вещества, – услышала я. – А какие – вы лучше у Николая Васильевича спросите.

Так звали нашего препода по ОБЖ, но я совсем об этом забыла, подняла голову от записки и громко спросила:

– Гоголя?

Класс грохнул. Ирка схватилась руками за голову, а историк иронически посмотрел на меня, но ничего не сказал.

Придя домой, я первым делом увидела разбитое зеркало в прихожей.

– Это еще что такое? – возмутилась я.

– А это у нас Алеша в стрельбе упражнялся, – невозмутимо пояснила бабушка.

– Зачем? – поразила я.

– Не знаю, спроси у него. И заодно уроки проверь, а то такое впечатление, что он вообще ничего не делает.

Я отправилась в нашу с братом комнату.

– Лех, ты что?

– Да это я случайно прицелился, – смущенно пояснил он. – Ну и как-то автоматически на спусковой крючок нажал... Кстати, ты знаешь, что неправильно говорить «нажал на курок»? На курок нельзя нажать, его можно только взвести, а нажимают на спусковой крючок!

– Ты мне зубы не заговаривай, – не поддалась я. – Зачем в зеркало стрелял?

– Ну я случайно... – снова забубнил он. – Я думал, он не заряжен, честное слово!

– Индюк тоже думал, – проворчала я. – Ну надо его хоть снять, а то что в разбитое-то смотреться...

– Настя, ты же умный образованный человек, – важно заговорил Лешка. – И веришь в какие-то там приметы?

– Да, я верю в приметы, что дома стрелять не к добру!

– Насть, ну я случайно...

– Эта песня хороша, начинай сначала. Ты хотя бы по оконным стеклам не стреляй, ладно?

– Ну что уж я, совсем дурак...

– Вот не знаю! Ты, кстати, уроки сделал? – я вспомнила, зачем пришла.

– Вот, черчение осталось, – он с готовностью подsunул папку. – Нарисуй мне вот эту детальку, а?

– Ты что! – возмутилась я. – Какое черчение? Я уже все забыла.

– Тогда сочинение, – не расстроился он. – Скоро сдавать, а я ни фига не знаю, что писать.

– Когда это вам успели столько всего назадавать? – удивилась я. – Год ведь только начался.

Лешка молча развел руками.

Я замешкалась, вспомнив гусеницу, он, похоже, это понял и продолжал давить на жалость:

– У меня и так по литре одни тройки в том году были, надо исправлять... А ты такие сочинения классные пишешь, – подлизался он. – Вот, помнится, в прошлый раз...

– Ладно, – сдалась я. – Сочинение, так и быть... Какая хоть тема?

– «Роль описаний природы в романе Пушкина «Евгений Онегин», – с готовностью зачитал Лешка и раскрыл передо мной тетрадку. – Вот, садись, я сейчас тебе черновичок...

– Да ладно, не суетись, – проворчала я. – Мне сейчас все равно некогда, свои уроки надо делать.

Я решила серьезно взяться за историю. Что такое, в самом деле! Неужели я глупее какой-то там собирательницы сплетен Юльки Щегловой?

Открыв учебник, я попыталась сосредоточиться на революции. Орал телек, вернувшаяся с работы мама ругалась с Лешкой, заставляя его убирать осколки, а он вопил, что не умеет и вообще это плохая примета...

– Леша, ты же умный образованный человек, – вставила я. – Неужели ты веришь в какие-то там приметы?

– Отстань, – огрызнулся он.

– Дурдом, – вздохнула я. И сообщила: – Мам, я пойду на улицу почитаю.

Мама ответила что-то невнятное, и я, расценив это как согласие, оделась и выскользнула за дверь.

Я вспомнила статью, где рекламировался какой-то авангардный метод обучения – в экстремальных условиях. Типа, чем больше отвлекающих факторов, тем активнее усваиваются знания. Сила действия равна силе противодействия, что-то в этом роде. То есть противодействие внешним факторам равно действию, направленному на обучение. Может, я чего и напутала, но твердо собралась проверить метод на практике.

Впрочем, дворик у нас вполне уютный и тихий. Даже скамейка у подъезда была пуста. Понятно, для мамаш с детьми поздно, для бабулек – рано. Кажется, противодействие отменяется. Ладно, будем учить по-простому, без всяких там выкрутасов...

Я открыла учебник и тут же услышала:

– Привет!

Ну вот, все-таки проверю теорию! Я подняла глаза и увидела на дорожке Ромку. Он стоял, засунув руки в карманы, и насмешливо смотрел на меня.

– Привет, – сдержанно отозвалась я. И окинула его внимательным взглядом с головы до ног. Опять же прочитала в каком-то журнале, что это верный способ смутить парня. Особенно если он сам без стеснения тебя разглядывает.

Но Ромка, похоже, журналов не читал, потому что нимало не смутился. Тут уже занервничала я, отвела взгляд и выпалила первое пришедшее в голову:

– Ну как, подрабатывать еще не устроился?

Он весьма натурально изобразил удивление:

– Что? Ты о чем?

– Да все о том, о подработке! А то обращайся, помогу, я ведь в нашем классе ответственная за дежурство. Устрою в лучшее время, в лучшей компании! Выбирай: Ленка Папина или Димон Ключкин? Или могу по блату организовать персональный уборочный тур!

Я с удовлетворением отметила, что улыбочка с его физиономии слиняла. Вот так! Пусть не думает, что я помню всякий там детский сад со снежными крепостями и прочими глупостями!

– Насть, ты чего? – наконец отмер он.

Я выдерживала паузу.

– Ты из-за дежурства, что ли? – наконец догадался Ромка. – Ну, извини! Это я так, не подумав, сказал. Просто я с родителями долго за границей жил, а там в этом ничего позорного нет, дети подрабатывают кто где, в том числе и полы моют...

– Это в какой же загранице? – наконец соизволила поинтересоваться я.

– В Венгрии, – с готовностью сообщил он. – У меня отец работал по контракту, ну и нас с мамой забрал.

– А учился ты где? – я постаралась спросить это как можно равнодушнее.

– В русскую школу при посольстве ходил.

Повисла пауза. Ругаться вроде уже расхотелось, но и завязывать дружелюбный разговор пока желания не возникало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.